

Валдемар Люфт

Последний клиент

Началось всё в самый обычный весенний день. Этот день ничем не отличался от всех других. Может быть, немного дождя было меньше, может быть, было теплее, чем вчера. Но, в общем, как всегда. К вечеру мне заняться было нечем. Вот уже с полгода, как я еле-еле свожу концы с концами. Всё начиналось так хорошо и обнадеживающе. Я три с лишним года назад переехал с семьёй в Германию. У меня юридическое образование. После безуспешных попыток найти себе подходящую работу прошло полтора года. Друзья надоумили открыть свою детективную контору. Пока оформлял бумаги, кредит, искал помещение для бюро, прошло еще полгода. И вот неполный год, как я частный детектив. Сначала я был полон планов и энергии. Мечтал о богатых заказчиках, об интересной и рискованной работе. Идеалист! Кроме заказов из супермаркетов, разборок мелких интриг, слежки за сексуальными маньяками и замужними авантюристками, ничего не было. И стоила эта работа совсем мало. Я больше тратил, чем зарабатывал. Кредит постепенно иссяк и заказы тоже. За последний месяц я имел всего два заказа. Правда, один заказчик был богат. Из новых

русских, переселившихся на запад. Жена его начала погуливать, так думал он. Но на самом деле она от скуки стала посещать буддистский клуб, перешла в буддистскую веру, два-три вечера в неделю проводила в клубе, но мужу в этом боялась признаться.

В конечном итоге, и богатый русский записался в буддисты. Надолго ли его хватит? Неважно. Главное, он заплатил хорошо, на радостях ещё и премию отвалил. Второй заказ был от шефа заправочной станции. Он подозревал, что его работники бесплатно заправляют свои автомашины бензином. Действительно, один молодой работник заправлял свою машину и машины своих друзей бесплатно. Я это выяснил за три ночи, в которые он дежурил. Потолкался среди молодежи, которая пила пиво под навесом заправки, поспрашивал между делом, понаблюдал, как ночью подъезжали машины к заправочному аппарату, водители заправляли полные баки и, помахав рукой кассиру, уезжали. Две ночи снимал на видео. Кассира заправки уволили, я получил причитающийся мне гонорар, и на этом мои заказы кончились.

В тот день я окончательно принял решение сменить работу, сидел у себя в бюро и штудировал газету с объявлениями. Ничего интересного не попадалось. Темнело. Домой идти не хотелось. Видеть вопрошающие глаза жены и немой упрек в

них, бояться вопроса о деньгах для той или иной покупки было для меня невыносимо. Ещё невыносимее слышать, как дочка, видевшая рекламы детских игрушек по телевизору, просит купить их. Для меня невозможно отказать ей, но и пообещать купить понравившуюся игрушку тоже не могу.

Мужчина постучался в дверь и сразу, не дожидаясь ответа, вошёл в бюро. Он представился Максом, но фамилию не назвал. Ему было на вид чуть больше пятидесяти. Может быть, он лишь выглядел таким старым. Голос у него был надтреснутый и усталый. Он говорил, словно выдавливал слова из себя. На круглом лице сидели маленькие пронзительные глаза. Они протупывали тебя насквозь, и в их глубине светилась тоска и боль. Он шёл к моему столу, немного сутулясь и как будто боясь чего-то. На мой вопрос, чем я ему могу помочь, он вытащил из старого кожаного портфеля папку с бумагами и положил на мой стол.

— Откройте и прочитайте, а потом поговорим.

Я открыл папку. В ней лежали вырезки из старых газет, на двух страницах — заключение врача-психиатра и несколько фотографий. С одной — смотрело счастливое лицо молодой девочки. Возраст определить было трудно, но больше двенадцати лет я ей не дал бы. Она была ещё на

одной фотографии, и рядом с ней здесь стояли мужчина, сидевший сейчас напротив меня, и красивая женщина лет тридцати пяти. На девочке была голубенькая курточка, две косички торчали в сторону, и в руках она держала красноглазого кролика. Мужчина выглядел на фотографии молодым, в глазах светилась уверенность и какое-то умиротворённое счастье. С третьей фотографии смотрел на меня мужчина, возраст которого я сразу определить не мог. Что-то в его глазах было странным. Они смотрели на меня в упор, но были тусклые, холодные и невыразительные. В них отсутствовала мысль.

Я взял одну вырезку из газеты и начал читать. В ней рассказывалось об исчезнувшей девочке, о её поисках. Следующая заметка была с фотографией какого-то заброшенного строения в лесу. У полуразвалившегося дома стояла полицейская машина, несколько полицейских что-то измеряли и под стеной, у висевшей на петлях двери, стоял гроб. На третьей газетной вырезке снова была фотография, на которой два полицейских вели под руку мужчину, на голову которого была накинута то ли куртка, то ли шаль. В тексте сообщалось, что мужчину арестовали по подозрению в изнасиловании и убийстве одиннадцатилетней девочки. В ещё одной вырезке сообщалось о том, что господин Х. признан психически больным, и

поэтому его осудили только на пять лет с отбыванием наказания в закрытой психиатрической больнице.

Я отодвинул от себя папку и вопросительно посмотрел на мужчину.

— И что всё это значит?

— Погибшая девочка — моя дочь.

— Я это понял. Мои искренние соболезнования.

Он поморщился, как от зубной боли. Я ждал. Макс протянул руку к папке и вытащил из бумаг фотографию мужчины с тусклыми и холодными глазами.

— Он уже полгода, как на свободе. Снова живёт в нашем городе. Свободно ходит по городу. Я наблюдал за ним несколько дней. У него много знакомых. Среди них молодые девушки. Я видел, как он сидел с двумя девушками в кафе и смеялся. По его виду нельзя сказать, что он психически больной, что он отбыл пять лет в психбольнице. Так выглядят после курорта или отпуска на Мальорке.

Я терпеливо слушал.

— Такие люди не должны жить.

Наступила пауза. Каждый ждал продолжения разговора, но боялся начать первым. Он пристально смотрел на меня.

— Найдите мне человека, кто убьёт его. Я хорошо заплачу.

Макс перевёл глаза с меня на фотографию девочки. От его пристального взгляда и от его слов по моей спине пробежали мурашки, холодный пот начал выступать между лопаток. Это происходит со мной всегда, когда я волнуюсь или когда мне страшно.

— Такие заказы я не принимаю, — как можно спокойнее сказал я.

Мужчина вытащил из портфеля и положил передо мной листок в прозрачной обложке, через которую можно было прочитать мою фамилию. Я вытащил лист из обложки и пробежал его глазами. Он был, в основном, заполнен цифрами. Это был анализ моих финансов. Ничего хорошего и ничего нового я не увидел. Кредит на основание собственного дела с задолженностью по выплате процентов. Кредит за машину. За неё надо платить ещё три года. Знал бы, что так сложатся дела, не покупал бы новый «Мерседес». Мой счёт с отрицательным балансом. Что на моём счету уже предельный минус, я знал. Только я не знал, как из этой ямы выбраться.

— Откуда у вас эти данные? — спросил я.

— Я работаю в банке и имею доступ к секретным документам и к закрытой информации.

— Вы нарушаете закон, используя закрытую информацию в своих личных интересах.

— Можете на меня пожаловаться. Но это

ничего не изменит. Ваше финансовое положение от этого не улучшится.

Он замолчал, взял фотографию своей дочери со стола и, глядя на неё, снова заговорил:

— Она была хорошая девочка. Наша единственная дочь. Моя жена долго не могла родить. Можете себе представить, какая радость для нас была, когда она появилась на свет. Этот её задушил простым чулком. Использовал, задушил и выбросил, как ненужную вещь.

У него тряслись руки, когда он говорил, и вместе с ними мелко дрожала фотография в его пальцах.

— Жена после этого в себя уже не пришла. Живёт только на таблетках. Я тоже постепенно схожу с ума. Я просыпаюсь каждую ночь и думаю о нашей девочке. Мне кажется, что это меня изнасиловали и убили пять лет назад. Каждую ночь этот маньяк насилует меня и убивает. Я боюсь, что когда-нибудь он меня окончательно убьёт. Но больше всего я боюсь, что я умру, а он будет также ходить по земле, будет дышать воздухом, смеяться, заигрывать с женщинами, может быть, между прочим, снова изнасилует и убьёт кого-нибудь. С тех пор, как он на свободе, я совсем ночами не сплю. Я уверен, если он не будет жить, жена и я снова начнём жить нормально.

— Как вы себе это представляете? У меня же

не контора по найму убийц. Не думаете же вы, что я способен на убийство? — испуганно спросил я его.

— Нет, нет, что вы. Этого и в мыслях не было. Мне нужно только, чтобы вы нашли мне такого человека.

— Мне кажется, что вы серьёзно ошиблись. Я не тот человек, кто может вам в этом помочь. И вообще, весь этот разговор мне неприятен.

Он вытащил из нагрудного кармана пачку денег и положил их передо мной.

— Здесь десять тысяч. Вы можете свой минус перекрыть, погасить задолженность за цинзы, и на хозяйство ещё останется. Это маленький аванс. Если вы выполните мой заказ, я помогу вам рассчитаться за «Мерседес» и за кредит, и хватит ещё на пару лет безмятежной жизни. Я получил хорошее наследство от моей бабушки. Денег у меня достаточно. Подумайте. Я вам доверяю. Эти десять тысяч останутся у вас. В следующий понедельник я снова приду к вам.

Пачка денег, лежавшая на столе, магически притягивала мой взгляд. Я смотрел на деньги, как загипнотизированный. Да, эти деньги могли бы на время избавить меня и мою семью от многих проблем. Они соблазняли меня, рука была уже готова потянуться за ними, но я заставил себя отвести от них взгляд.

— Такие заказы я никогда не получал. У меня

нет опыта. Поищите, может быть, найдёте кого-нибудь, кто возьмётся выполнить ваш заказ.

Он сидел на стуле напротив меня и продолжал смотреть на фотографию дочери. Мне казалось, что он меня не слышит. Но мне было всё равно, слышит он меня или нет. Я хотел быстрее избавиться от него. Внутри, в глубине моего сознания рос страх, что я не выдержу и из-за денег пойду на всё.

— Вы думали о моральной стороне вашего заказа? — Чёрт! Ведь это я сказал не ему, а себе.

Макс положил фотографию к остальным бумагам, откинулся на спинку стула и скептически улыбнулся.

— Что касается морали, для меня давно всё ясно. На эту тему я даже дискутировать не хочу. Мораль для меня умерла в тот день, когда не стало моей дочери. И добавлю ещё: я не циник, я реально смотрю на вещи. Вы, наверное, думаете, что мораль универсальна. Тогда скажите мне, если она универсальна, почему в Америке государство считает законным приговаривать таких преступников к смертной казне, а у нас, в Европе, это незаконно? Чья мораль правильная — американская или европейская?

Я не ответил ему и в свою очередь спросил:

— Если вы его без суда и следствия приговорили к смерти, почему сами не убьёте?

— Я его голыми руками придушил бы... —

Он с такой силой сжал рукой угол стола, что костяшки его пальцев побелели. — Не могу я. Жена останется одна. Умрёт она без меня.

Макс вытащил ещё одну сотенную купюру, положил на стол и подвинул её ко мне.

— Возьмите эти деньги и сходите в кафе. Обдумайте всё. Вы ничего не теряете, а выиграть можете много. А эти десять тысяч положите в сейф. Если мы не договоримся, вернёте мне их. Но я надеюсь на вас.

Он встал, собрал бумаги и фотографии в папку и спрятал в портфель.

— Досвидания. Я приду к вам в следующий понедельник, — проговорил он, протягивая мне свою руку.

Я остался сидеть за столом. Как только мужчина вышел, я стремглав бросился к окну. На улице он остановил такси и сел в него. Номер 518. Бросив деньги в сейф, я выскочил на улицу, сел в свой «Мерседес», включил мотор и, не обращая внимания на сигналы машин, втиснулся в уличный поток. Такси с номером 518 стояло у третьего светофора на левой полосе, которая вела к вокзалу. На вокзале мужчина пристроился к короткой очереди у билетного автомата. Из-за искусственной пальмы, стоявшей у газетного киоска, видно было, как он бросил несколько монет в автомат и нажал кнопку с названием городка, который находился в

двадцати километрах.

С вокзала я поехал в центр города. Когда припарковался, зазвонил мобильный телефон.

— Когда приедешь домой, Эдик? — спросила жена.

Её голос звучал озабоченно.

— Я хотел в кафе зайти. Мне надо кое-что обдумать.

— Приезжай, пожалуйста.

Она положила трубку. Я раздумал идти в кафе и поехал домой.

Жена встретила со слезами на глазах.

— Я хотела деньги на продукты снять, а у нас минус больше положенного. Автомат мне денег не выдал. Не могла даже хлеб купить.

Она заплакала. Я обнял её.

— Успокойся. У меня есть сто евро. Возьми их.

Дочка сидела в зале и смотрела по телевизору мультфильмы.

— Папа, папа, Эрике Мюллер новый велосипед купили. Она дала мне покататься.

Я погладил её по голове и спросил:

— Как дела в школе.

Она мне что-то отвечала, но я её не слушал. Мои мысли были там, в моём бюро, где в сейфе лежали деньги, которые могли бы хотя на время избавить мою семью от мучительного сознания

своей нищеты.

Эту ночь я почти не спал. В голове бешенно крутились мысли, то уводя меня в мир мечты и беспечности, где не надо было думать о деньгах, где всё просто и ясно, где все вокруг счастливые и весёлые, то загоняя в тупик, где холодно и угрожающе смотрели на меня пустые глаза, где слышен был плач и угрюмо уходил в ночь ссутулившийся старик. Жена рядом тоже не спала. Слышно было, как она то и дело переворачивалась с боку на бок, тяжело и протяжно вздыхала.

Под утро я провалился в сон. Мне снился рассвет в горах. Я лежал за камнями и целился в восходящее солнце, которое было большим и красным. Оно заняло весь оптический прицел винтовки и от этого резало в глазах. Сухо прогремел выстрел, и на моих пальцах выступила кровь. Она струилась по ложу винтовки, залила стекло прицела и с дробным стуком падала на камни.

От страха я проснулся. На улице было светло. Жены рядом не было. Через открытую дверь в глаза бил из коридора свет от яркой лампочки и на улице в жестяной карниз стучали капли дождя.

После завтрака я поехал в тот город, где, по моим расчетам, должен жить и, наверное, работает мой вчерашний клиент. Припарковав машину в глухом переулке недалеко от центра, я пошел к

центральной сберкассе. У длинной стойки, где несколько милостивых девушек обслуживали клиентов, я спросил одну из них:

— Могу я поговорить с господином Максом?

— У нас нет работника с таким именем, — ответила она мне.

Через дорогу в немецком банке было не таклюдно. В зале на стене висели фотографии работников банка. Макса среди них я не нашёл.

В народном банке женщина с серыми волосами на мой вопрос спросила:

— Вы имеете в виду господина Обермайера. Он уехал. Жене стало плохо.

— Можете вы мне сказать, где он живёт?

Женщина удивлённо посмотрела на меня.

— Извините. Такую информацию мы не даём. Господин Обермайер будет после обеда здесь. Я могу вам организовать встречу с ним. Вы хотите оформить кредит, или у вас другой вопрос к нему? Как ваша фамилия?

— Нет. После обеда мне некогда. Зайду в следующий раз, — сказал я, не отвечая на её вопрос, и вышел.

Я вернулся к своей машине. Была только половина одиннадцатого и поэтому я решил выехать из города и где-нибудь отдохнуть. В двух километрах от города въехал по грунтовой дороге в маленькую рощу и заглушил мотор. Здесь было

тихо. Дождь прекратился, и птицы пели на разные голоса, радуясь теплу и пробившемуся сквозь тучи солнцу. Пахло хвоей и прелыми листьями. От тишины и свежего воздуха меня стало клонить в сон. Я включил радио на малую громкость, улёгся на заднее сиденье и заснул.

Проснулся через два с лишним часа. Диктор по радио как раз начал передавать местные новости. В городе я снова припарковал машину в том же переулке. Напротив Народного банка находилось кафе. Оно было почти пустым. Я занял место у окна, так, чтобы видеть вход в банк, и заказал себе кусочек пирожного с кофе.

Макс появился в половине третьего. Он приехал на «Фольксвагене» и припарковал его недалеко от входа в банк. Заказав ещё одну чашку кофе, я подождал с полчаса и рассчитался с кельнером. На своей машине я выехал из переулка, нашёл свободное место у бордюра метрах в пятидесяти от банка и стал ждать. В четыре часа Макс снова вышел из банка, сел в машину и поехал в сторону клиники. Он остановился напротив входа в клинику и, не закрыв машину, вошёл в нее. Через две минуты он вышел, толкая перед собой инвалидную коляску, в которой сидела седая женщина. Она выглядела усталой. На бледном лице застыло выражение безразличия. Тонкие прозрачные руки лежали ладонями вниз на коленях.

Что-то напоминало в ней ту красивую и жизнерадостную женщину на фотографии, но что именно, было трудно понять. У машины Макс взял жену на руки и пересадил её на переднее сиденье. Коляску он собрал и уложил в багажник. Я не поехал за ними, а вошел в клинику и подошёл к окошечку портье.

— Где мне найти доктора Венделя? — фамилию доктора я прочитал на щите, где была информация об отделениях клиники и врачах.

— Доктор Вендель сейчас на операции.

— Похоже, жена господина Обермайера снова заболела? — проговорил я.

— Несчастливая женщина. Мало того, что она перенесла два инфаркта и паралич, теперь ещё и печень начинает отказывать. Сегодня ей опять делали переливание крови, — портье замолк, почувствовав, что сказал лишнее. — Вы знакомы с господином Обермайером?

— Нет. Просто наслышан о нём и о его несчастьях.

— Да, этой семье пришлось много вынести.

Портье углубился в чтение какого-то документа. Я вышел из клиники и поехал назад, в свой город. Решение во мне начало созревать давно, уже с того момента, когда я увидел у себя на столе пачку денег. Теперь же я созрел окончательно. Мне не то, что было жалко этих двух людей, мне,

действительно, было обидно за их загубленную жизнь без будущего. И в отношении морали я был с сегодняшнего дня на американской стороне. Я был убеждён, что тот, кто насилует и убивает, не имеет права на жизнь. Конечно, у меня было полно аргументов против этого убеждения, но деньги не оставили им никакого шанса.

В своём бюро я в первую очередь вытащил деньги из сейфа и пересчитал их. Было ровно десять тысяч. Пересчитывал я их не потому, что не доверял Максу, а потому, что было приятно их считать. Я никогда не был особенно жаден до денег, но в последнее время я совсем по-другому стал смотреть на них. Я понял, что деньги не делают человека счастливым, но отсутствие их делает его несчастным.

Положив пачку денег в нагрудный карман, я пешком прошёл в центр города. В сберкассе я отдал почти полторы тысячи. Это была моя задолженность по цинзам за последние три месяца. Три тысячи я положил на свой счёт, закрыв, таким образом, мой минус. Вернувшись к своей машине, я поехал на заправку и заправил полный бак бензина.

Моя машина давно не получала полную заправку. Кредит на неё я брал в Ситибанке. Здесь я отдал ещё восемьсот евро — цинзы за два месяца. В автохаузе «Мерседес» я договорился с шефом, что он примет назад мою машину. Я проигрывал при

этом почти три тысячи, но дальше рисковать с кредитами не хотел. У нас была ещё одна машина, подержанный «Гольф», на котором ездила жена. Пока нам хватит одной машины. «Мерседесом» я мог пользоваться ещё до первого мая.

Дома, из оставшихся пяти с половиной тысяч евро, я отдал жене две тысячи, оставив себе три с половиной. Для меня было уже ясно, где я буду искать исполнителя заказа моего клиента. Он должен быть не отсюда, не из Германии. Единственное место, где я хорошо ориентировался и где я мог найти такого специалиста, был юг Казахстана. Туда я намерен был поехать. По моим расчётам, трёх с половиной тысяч евро должно для начала хватить.

Макс приехал снова на такси. Я видел, как он рассчитался с таксистом, бросил беглый взгляд вправо и влево и вошел в подъезд дома, где находилось моё бюро. Он прошёл к столу, протянул мне руку и сел на стул. В глазах его застыли вопрос и надежда.

— Вы всё обдумали? Согласны найти киллера?

Отступить мне теперь было некуда. Да и не хотел я отступать.

— Да.

Он облегчённо откинулся на спинку стула.

— Какие ваши условия?

— Я пока ещё не знаю, сколько это будет стоить. Вы понимаете, что я не могу с вами оформить договор. Для гарантии вы дадите мне наличными тридцать тысяч. После выполнения договора, вы мне выплатите ещё двадцать тысяч. Возможно, всё это будет стоить больше.

— Я согласен.

Над названной мной суммой он не задумывался ни на минуту. Мне кажется, если бы я назвал ещё большую цифру, он и в этом случае согласился бы.

— Вы мне дадите адрес человека, которого нужно будет убрать, и его фотографию. Деньги привезёте, скажем, в конце этой недели после шести часов вечера.

Он вытащил из своего портфеля знакомую мне фотографию мужчины с холодными глазами и написал на бумажке его адрес.

— Для выполнения вашего заказа мне нужно примерно полтора-два месяца. Где я смогу найти вас в случае, если возникнут какие-нибудь вопросы?

Макс замешкался.

— Я вам дам мой домашний номер телефона. Если что-нибудь нужно срочно решить, звоните, представьтесь «Отто», и скажите, что позвоните попозже. Я буду знать и на следующий вечер приеду сюда.

Во время всего разговора никто из нас ни разу не назвал слова «убийство». Мы избегали его, мы боялись его, мы не хотели себя замарать этим словом. И имя нашей жертвы мы тоже не называли. Мы говорили о нём, как о неодушевлённом предмете. Наверное, это успокаивало нашу совесть. Как бы мы не хитрили, но то, что мы намерены были сделать, должно было стать самым заурядным убийством.

Макс уехал. Я направился в ближайшее бюро путешествий в центре города, заказал себе билеты в город Бишкек и оставил свой загранпаспорт для виз. До вылета оставалось ещё почти две недели.

На следующий день я взял свой дорогой фотоаппарат «Кодак» с ночным объективом и поехал в соседний город. Улицу и трёхэтажный дом, где жил мужчина с пустым взглядом, нашёл быстро. Фамилия «Косински» была написана от руки на белой бумажке, косо приклеенной к самой верхней кнопке. Я поднял крышку почтового ящика. В нём лежала только одна рекламка. Похоже, хозяин был дома. Свою машину я поставил так, чтобы видеть подъезд дома, приготовил фотоаппарат, сделал два снимка дома и стал терпеливо ждать. Время тянулось медленно и мне хотелось спать. Хмурое небо пролилось крупным дождём. Капли дробно били по крыше машины. Вскоре дождь перестал, и сквозь рваные просветы

облаков начали стрелять лучи солнца. Снова запели птицы. От частных домов, где в палисадниках цвели деревья и цветы, ветерок доносил аромат духов. По радио передавали песни старых лет, и каждые полчаса в новостях не сообщалось ничего нового. Трёхэтажный дом был скучен и молчалив. Только однажды из окна на втором этаже вдруг послышалась громкая музыка и тут же оборвалась. Утром из дома вышли два школьника, а часов в десять из подъезда выскочила неопрятно одетая женщина, чуть ли не бегом исчезла в переулке и через двадцать минут вернулась с пакетом из булочной.

Он вышел из дома около двенадцати. Я узнал его сразу. Он был выше ростом, чем я ожидал, но выражение лица и пустые глаза были такими же, как на фотографии. В руках он держал рекламку из почтового ящика. На тротуаре он на мгновение остановился, словно раздумывая, куда идти. За это время я успел снять его два раза в полный рост. Косински пошёл в сторону центра. Я вышел из машины, негромко прихлопнул дверь, замкнул её и пошёл за ним по другой стороне улицы. Он зашёл в кафе, где выпил чашечку кофе и съел омлет. Примерно через полтора часа он вернулся домой и не выходил до самого вечера.

Вечер его был занят посещением ночных кафе. В двух кафе он заказывал себе пиво и

разговаривал о чём-то с мужчинами. В третьем кафе к нему подседа средних лет женщина. Они вместе выпили пива и водки. С количеством выпитого менялось настроение мужчины. В пустых глазах заискрилась жизнь, он оживлённо говорил, и женщина смеялась после каждой его фразы. В одиннадцать часов они вышли из кафе и шли долго по слабо освещённой улице почти до окраины города. Здесь они прошли в игротеку. Мужчина больше часа играл в бильярд, а женщина сидела у стойки бара и пила одну кружку пива за другой. Около часа ночи он закончил последнюю партию, рассчитался с барменом за выпитое и вместе с женщиной, короткой дорогой, пошёл пешком к своему дому. На этот отрезок им понадобился почти час. Они не торопились, часто останавливались и сливались вместе — видимо, в поцелуе. Он галантно придержал дверь, пропуская её в подъезд, и через пару минут на третьем этаже зажёгся свет.

Я приезжал к его дому ещё три раза. Порядок дня его был всегда один и тот же. Однажды днём он дольше задержался в кафе, где разговаривал с двумя совсем молоденькими девочками. Он сказал им что-то такое, отчего девчата быстро встали из-за стола и вышли из кафе. Одна из них вытирала слёзы и повторяла: «Подлец, подлец!». На третью ночь он поменял партнёршу, с которой встретился во